

Девочка согласно закивала и, вытащив из свертка три серебряных слитка и несколько сотен медных монет, тихо спросила:

— Матушка, это все деньги, что остались на расходы в нашем дворике Пэнхао. Если они однажды закончатся, Господин и вправду выставит Чжао Юцая за дверь?

— Разве Ван Сянцянъ остановится перед чем-то? Боюсь, просто выгнать его — это еще легко отделаться, — матушка Сун кормила младенца, нахмутив брови, и вся она словно дышала мрачной тревогой.

— Я слышала от брата Чжуцзи, он говорил... — Девочка запнулась, не смея продолжить.

— Что говорил? — матушка Сун сердито свела брови.

— Он сказал, что как-то раз случайно услышал разговор настоятеля Сюйюня с Господином. Настоятель говорил, что раз уж Чжао Юцай явился как Призрак-кредитор, то стоит этим сорока лянм серебра закончиться, его душа покинет земную плоть и отправится на перерождение. И что Господину нужно готовиться хоронить собственного сына. А Господин после этих слов даже пролил притворные слезы.

— Этот настоятель Сюйюнь и Ван Сянцянъ — одного поля ягоды! Один дурачит людей рассказами о духах, другой творит бесчинства. Рано или поздно они оба понесут кару! — матушка Сун прижала указательный палец к губам и предостерегающе добавила: — Впредь никогда не смей об этом говорить. Наш Чжао Юцай непременно проживет долгую жизнь. Пусть барышня и видела тот же сон, но пока при нас зеркало для удержания души, и пока мы тратим деньги бережно, с молодым господином ничего не случится. Время еще есть, и какая бы судьба ни была ему уготована, мы приглядимся и что-нибудь придумаем. Кем бы он ни был в прошлой жизни, раз уж он родился у нашей барышни, то он — наш хозяин.

— Байшао всё понимает. Байшао будет хорошо заботиться о Чжао Юцае. Если мы будем бережливы, этих сорока лянов хватит надолго. Моя семья за целый год и пяти лянов не тратила.

— Умница. Положи скорее деньги в ларец и запири на замок. Это всё наше богатство, — матушка Сун ласково погладила девочку по голове.

Юшу сыто срыгнул. Он подумал, что его родная мать, должно быть, тоже сильно переживала из-за того сна, иначе не побоялась бы с самого его рождения показаться ему на глаза. Мать едва могла защитить себя сама, отец был бездушным человеком, который потакал наложнице и ни во что не ставил законную жену, а рядом постоянно кружил свирепый призрак. Вырасти в таких условиях казалось задачей не из легких. К счастью, служанки принесли с собой несколько зеркал инь-ян, способных на время сдерживать злобного духа, и были преданы ему, что посреди всех несчастий казалось настоящим благословением.

Подумав об этом, Юшу уставился в одну точку и снова погрузился в медитацию, напроочь забыв о предсказании настоятеля Сюйюня, обещавшего ему скорую смерть.

После того как повесили зеркало для удержания души, ледяной ветер долго не тревожил дворик Пэнхао. Зато обитатели других частей усадьбы один за другим начали жаловаться на озноб, головокружение и постоянную слабость. Сначала никто не придавал этому значения, но когда от того же недуга слегла Наложница Линь, Ван Сянцянъ забил тревогу и пригласил настоятеля Сюйюня для осмотра.

— Всё это проделки нечисти с западной стороны, — настоятель Сюйюн указал в сторону дворика Пэнхао.

Лицо Ван Сянцян потемнело, и он поспешно спросил:

— Как с этим совладать?

— Сначала нужно изгнать источник зла, а после я проведу ритуал, и всё наладится, — настоятель Сюйюн взмахнул своей метелкой-мухогодкой, напустив на себя вид мудрого старца.

Ван Сянцян поспешно закивал и велел управляющему вручить послушнику сверток со сталями серебра. Сразу после этого он приказал отослать Призрака-кредитора из дворика Пэнхао подальше — на его родину. Причем въезжать в родовой дом ему запретили, велел сослать в какую-нибудь глухую загородную усадьбу. Законная жена Ван Сянцян, Госпожа Сун, услышав об этом, упала в обморок. Придя в себя, она разрыдалась, требуя вернуть сына, но служанки лишь со слезами на глазах ответили, что Чжао Юцай уже давно уехал.

В старой, дребезжащей повозке годовалый Юшу сжимал в кулачке кусочек орехового печенья, усердно точа о него только что прорезавшиеся передние зубы. Матушка Сун бережно баюкала его, и лицо ее было темнее тучи. Рядом сидела Байшао, крепко прижимая к груди ларец с деньгами, с покрасневшими от недавних слез глазами.

— Каким же нужно быть бессердечным... Настоящий зверь! — вполголоса бормотала матушка Сун.

— Хуже зверя! — сердито подхватила Байшао, но тут же с тревогой спросила: — Матушка, что же нам делать дальше?

— Синьчэн — родина Ван Сянцян. Вся Семья Ван там разбогатела под его крылом и держит в страхе всю округу. Мы же совсем одни, для нас эта поездка — всё равно что прыжок в пасть к тигру. Госпожа Линь безжалостна. Стоит ей шепнуть словцо-другое управляющим поместьем, и Чжао Юцай окажется в смертельной опасности. Дай-ка подумать... дай мне подумать, — матушка Сун совсем растерялась.

— Может быть, нам сбежать вместе с Чжао Юцаем? — прижав к себе ларец, шепотом предложила Байшао.

Матушка Сун долго молчала, взвешивая всё, и наконец решилась:

— Хорошо, бежим! К счастью, еще до того, как мы попали во дворик Пэнхао, барышня освободила нас от крепостной зависимости. Если сумеем скрыться от погони Семьи Ван, проживем спокойно. Сначала вырастим Чжао Юцай в безопасности, а когда он повзрослеет и добьется успеха, вернемся и отыщем барышню.

Юшу с безучастным выражением лица продолжал точить зубы, но мысленно уже взвешивал все за и против. Судя по всему, побег давал гораздо больше шансов выжить, чем поездка в Синьчэн. Там он стал бы беззащитной жертвой, с которой Наложница Линь могла сотворить всё, что ей вздумается, а заодно использовать его для давления на мать. Его исчезновение, напротив, принесло бы матери облегчение.

«Что ж, тогда в путь!» Решив так, он что-то залопотал и стукнул крошечным кулачком по лежащей рядом подушке.

Матушка Сун невольно улыбнулась:

— Гляди-ка, Чжао Юцай тоже согласен. Что ж, давай всё хорошенько обсудим.

Она поманила к себе Байшао и принялась что-то негромко нашептывать ей на ухо.

Разработав план, они дождались, когда дорога проляжет через небольшой городок, и уговорили кучера остановиться на ночлег. К счастью, Семье Ван было безразлично, выживет ли Чжао Юцай, поэтому сопровождать их отправили лишь одного управляющего и одного кучера. Матушка Сун не пожалела нескольких сотен медных монет, заказав для них сытный ужин и кувшин доброго вина. За столом она то и дело подливала им, расточая лестные слова, пока оба провожатых не напились до беспамятства. Тогда они с Байшао спешно собрали вещи и под покровом ночи скрылись.

Матушка Сун выросла в деревне, так что управлять повозкой для нее не составляло никакого труда. К утру они были уже за сотни верст. Когда управляющий с кучером протрезвели, они обнаружили, что их обобрали дочиста, а повозка исчезла вместе с беглецами. Посылать весть хозяевам они побоялись — понимали, что за такую оплошность их забьют до смерти, поэтому решили тоже податься в бега.

В Семье Ван долго не получали вестей о прибытии беглецов в Синьчэн, поэтому отправили людей на поиски. Отыскав постоянный двор, где останавливались путники, посланники узнали, что те разбежались в разные стороны. Ван Сянцян и прежде не жаловал этого сына, а потому ничуть не заботился о его судьбе: поиски вели лишь для виду и прекратили через несколько дней. Наложница Линь была только рада такому исходу. Несколько ночей подряд она нашептывала Ван Сянцяню ласковые речи, уговаривая его вычеркнуть законного сына из родословной книги, а посторонним объявить, что тот скоропостижно скончался от болезни.

Единственной в Семье Ван, кто безутешно горевал, была Госпожа Сун. Однако глухими ночами, размышляя в тишине, она постепенно осознала мудрый замысел матушки Сун. Она понимала: останься ее сын в доме Ван, он рано или поздно все равно бы погиб, так что побег был для него спасением. С тех пор она перестала принимать гостей, перешла на постную пищу и усердно молилась Будде, надеясь заслужить для сына благословение небес, чтобы тот рос в мире и здравии.

Руководствуясь правилом, что самое опасное место — самое безопасное, матушка Сун не стала бежать на край света. Она направилась в Лянчжоу, колыбель Империи Дамин. Лянчжоу находился всего в трех днях пути от Шанцзина. Этот город был невелик, но чрезвычайно процветал, ведь именно отсюда брали свое начало знатнейшие роды империи. Здесь располагались их старинные усадьбы, за которыми тщательно присматривали верные слуги. Охрана в Лянчжоу была надежной, улицы круглые сутки патрулировали стражники, так что у Семьи Ван вряд ли хватило бы смелости и наглости устраивать здесь повальные обыски силами своих слуг.

Матушка Сун не ошиблась: Семья Ван действительно побоялась посылать людей в Лянчжоу, где бурлила жизнь влиятельных вельмож, и вместо этого просто объявила о внезапной кончине законного наследника. После этого беглецы смогли вздохнуть свободно и обустроиться на новом месте.

Матушка Сун не решалась тратить серебро, оставленное барышней. Она заложила свои и Байшао ценные украшения, чтобы снять небольшой крестьянский домик в пригородной деревне Юйшуй. На жизнь они зарабатывали вышивкой.

Время пролетело незаметно, и Юшу исполнилось пять лет. Матушка Сун лелеяла надежду вырастить из Чжао Юцяя выдающегося человека, чтобы однажды вернуть его матери и тем самым вернуть ей утраченную гордость. Поэтому те сорок лянов серебра она берегла как зеницу ока. Хотя жизнь в деревне стоила сущие гроши, вскоре мальчику должно было исполниться шесть или семь лет, а это означало, что придет пора отдавать его в учение. Оплата за обучение одного только учителя обходилась в пять-шесть лянов в год, не говоря уже о расходах на сдачу государственных экзаменов. Если для воспитания простого ученика или обладателя первой ученой степени сорока лянов еще могло хватить, то чтобы выучить победителя императорских экзаменов, потребовалось не меньше сотни лянов серебра.

<http://bllate.org/book/18302/1754568>